

Глава первая

ФОРМИРОВАНИЕ МАРКСИСТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Революционная деятельность Плеханова началась в середине 70-х годов прошлого столетия. Уже в течение десятилетий Россия шла по пути капитализма. Пореформенное экономическое развитие все быстрее втягивало помещичьи и крестьянские хозяйства в русло товарного обмена, все более и более расшатывало старые экономические устои, изменяя тем самым условия жизни народа, всех классов страны. Россия крепостническая быстро превращалась в Россию капиталистическую. Росли старые и возникали новые города, строились железные дороги, увеличивалось число фабрик и заводов, сооружались речные и морские порты. Оживилась торговля. Развитие капитализма в стране шло быстрыми темпами.

Классический анализ развития нового, капиталистического способа производства в стране дал Ленин в работе «Развитие капитализма в России». Ленин показал, что капитализм в России представлял в то время исторически прогрессивное явление: начала бурно расти тяжелая промышленность, машиностроение, горная промышленность. Только за период с 1866 по 1879 г. число крупных фабрик увеличилось на 32%, число механических заведений — на 78%. Возник новый общественный класс, класс наемных рабочих — современный пролетариат.

Ленин показал, что капитализм развивался не только в городе, но и в деревне, разлагая старые устои крестьян-

ского мира — общину. В середине 80-х годов по 43 губерниям экономические формы сельского хозяйства распределялись так: по 19 губерниям преобладала капиталистическая система, по 7 губерниям — смешанная с остатками крепостничества, по 17 губерниям — отработочная система сельского хозяйства. В деревне быстро вырастала кулацкая верхушка, увеличивалось количество крестьянской бедноты и батраков. Разоренные крестьяне, вынужденные покидать деревни, шли в города, на фабрики и заводы, представляя собой дешевую рабочую силу. «...со времени освобождения крестьян, — писал Ленин, — ...условия жизни массы народа подверглись полному изменению: на место мелких ремесленных заведений стали появляться крупные фабрики, которые росли с чрезвычайной быстротой; они вытесняли мелких хозяев...

Все большая и большая часть населения окончательно отрывается от деревни и от сельского хозяйства и собирается в города, фабричные и промышленные села и местечки, образуя особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы»¹.

Хотя пролетариат был еще немногочислен, но он непрерывно рос. Количество рабочих, занятых на крупных предприятиях и железных дорогах, в 1865 г. составляло 706 тыс., а в 1890 г. — 1 433 тыс., в конце 90-х годов это число доходило до 2 792 тыс. человек. Положение рабочих было очень тяжелым. Рабочий день продолжался по 12½—15 часов. Капиталистическая эксплуатация не имела предела ввиду отсутствия рабочих организаций и законодательства об охране труда.

Продолжительный рабочий день, крайне низкая заработная плата, систематически урезаемая штрафами и различного рода поборами, произвол, бесправие и беззаконие — все это приводило к недовольству и выступлениям рабочих. Уже в 60-х годах рабочие начали вести борьбу с предпринимателями, применяя такое специфически пролетарское средство борьбы, как стачка. В 70-х годах стачки участились, число их значительно возросло. В это десятилетие было 224 стачки и большое количество рабочих волнений, не имевших формы стачки.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 83, 84.

Следующая таблица характеризует общее количество стачек и волнений за 1870—1879 гг.¹:

Годы	Стачки	Волнения	Итого стачек и волнений
1870	17	3	20
1871	14	7	21
1872	21	8	29
1873	17	12	29
1874	23	11	34
1875	13	13	26
1876	19	13	32
1877	12	10	22
1878	37	16	53
1879	51	9	60
Итого . . .	224	102	326

Особенно длительны и упорны были стачки на Невской бумагопрядильне (1870 г.) и на Кренгольмской мануфактуре (1872 г.) в Петербурге. «Первые забастовки в 70-х и 80-х годах, — указывается в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — обыкновенно возникали из-за непомерных штрафов, надувательства, обмана при расплате с рабочими, сбавки расценок»².

Не лучше было и положение крестьян. Реформа 1861 г. была вызвана экономической необходимостью ликвидации крепостного права, борьбой крестьян, однако это была половинчатая буржуазная реформа, проведенная помещичьим правительством в интересах помещиков-крепостников. Это был лишь шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Реформа не уничтожила главную основу крепостного хозяйства — помещичье землевладение, которое сохранило преобладающее положение в сельском хозяйстве России. Крестьяне, выйдя из крепостного рабства, став лично свободными, остались, однако, в кабале у тех же помещиков, составляя низшее, податное сословие. Под видом аренды за отработки они фактически

¹ См. «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, Госполитиздат, 1950, стр. 45.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 8—9.

отрабатывали ту же барщину, в оплате натурой за арендованную землю сохранялся тот же оброк. Развитие кустарных промыслов, производство на рынок втягивало крестьянские хозяйства в товарные отношения, способствовало капиталистической дифференциации крестьянства. Таким образом, основная масса крестьянства подвергалась двойному гнету — крепостничества и капитала. Остатки крепостничества, громадные подати, выкупные платежи, которые нередко превышали доходы крестьянского хозяйства, малоземелье, капиталистическая эксплуатация — все это подрывало крестьянское хозяйство, приводило к массовому обезземеливанию, разорению и обнищанию крестьянства.

Крестьянская реформа в силу своего крепостнического характера не затронула самодержавный строй государства. Попрежнему Россией управляли помещики во главе с царем. Рабочие и крестьяне не имели никаких политических прав. Царское правительство душило проявления свободной мысли, запрещало объединение рабочих и крестьян в союзы, переполняло тюрьмы, арестовывая людей по малейшему подозрению в причастности к революционной работе.

В 80-х годах начался еще более грубый произвол самодержавно-дворянской власти, начались еще более жестокие притеснения народа. Но освободительное движение разрасталось все шире.

Анализируя положение в России в послереформенный период, Маркс и Энгельс отмечали, что в России нарастает революционный кризис. К мысли о революции в России Маркс и Энгельс возвращались неоднократно. В 1882 г. в предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс подчеркивали, что «Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе».

В авангарде общественной борьбы в период от 1861 до 1895 г. выступали революционеры-демократы, главным образом учащаяся молодежь и другие представители разночинной интеллигенции. Ленин указывал, что после падения крепостного права, после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского «господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 224.

Вдохновленная проповедью великого революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, призывавшего крестьян к топору, революционная интеллигенция выработала свои особые, народнические идеалы. Революционно настроенную молодежь глубоко волновало бедственное положение народа, страдавшего от произвола царя и помещиков. В народнических кружках и группах неоднократно возникали вопросы и велись споры о том, в какой форме возможно истинное освобождение народа, возможна ли в России социальная революция и каков должен быть путь социального переворота. Единственно возможное разрешение этих назревших вопросов русские революционеры 60—70-х годов видели в народной революции.

Но что такое был тот «народ», который имели в виду народники? Это было в основном крестьянство. Считая деревню главной ареной общественной жизни России, они все свое внимание устремляли не на рабочий класс, который был еще довольно малочислен, а на крестьянские массы. В крестьянстве народники видели сословие, призванное историей свергнуть власть царя и помещиков, обновить и перестроить общественные отношения в России на социалистических началах; крестьянина они считали «коммунистом по инстинкту, по традиции».

Революционное народничество 60—70-х годов выражало интересы крестьянства, непосредственного производителя в ту эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства еще не обнаружился.

Резко отмежевываясь от либерализма, революционные народники вели самоотверженную борьбу за освобождение крестьян, за уничтожение самодержавия и привилегий дворянства. Пытаясь поднять крестьян на восстание против царского правительства, они перенесли свою деятельность непосредственно в деревню. Народники звали молодежь идти «в народ» для подготовки восстания, считая, что народ «всегда может» и «всегда хочет» сделать революцию. За осуществление программы хождения в народ, как писал Ленин, «взялась масса энергичнейших и талантливых работников». Развернулась агитация за хождение в народ, организовывались «школы» подготовки для этой цели «народнических групп». В деревню направились сотни революционеров.

Вера в возможность крестьянской революции воодушевляла и поднимала революционных народников на героическую борьбу с правительством. Своей борьбой против царского самодержавия и всех проявлений крепостного гнета народники привлекли к себе внимание Маркса и Энгельса.

Многие политические деятели России, в том числе и народники, переписывались с Марксом и Энгельсом. Почти в течение полувека, начиная с 40-х годов XIX в. вели переписку с Марксом и Энгельсом или знали об их работах П. Лавров, Г. Лопатин, Н. Михайловский, Л. Гартман, В. Засулич, Н. Даниельсон, а также Н. Утин, В. Флеровский, Н. Сазонов, А. Серно-Соловьевич и другие.

Изучая пореформенную Россию, Маркс и Энгельс старались помочь русским политическим деятелям в уяснении характера общественного развития России, в выработке тактических приемов борьбы с самодержавием. Маркс и Энгельс критиковали мелкобуржуазный социализм народников, антинаучные теории «критически мыслящих личностей» и «надклассовости» государства. Они видели, что утопическая программа народничества наносит вред революционному движению и политической борьбе в России. В личном общении и переписке с народническими деятелями Маркс и Энгельс вскрывали их заблуждения, разъясняли им сущность своего учения об обществе и движущих силах общественного развития, свои политические, экономические и философские взгляды, свою стратегию и тактику, свой взгляд на историческую судьбу России. Но русская революционно-народническая интеллигенция в силу экономической отсталости России и недостаточного развития рабочего движения не понимала и не принимала учения Маркса.

Народники не замечали, что капиталистическое развитие России уже вскоре после реформы 1861 г. определилось в экономике страны с достаточной силой. В реформе 1861 г. они ошибочно усматривали начало некапиталистической эволюции России и превращения ее в страну мелкобуржуазного «социализма». Они не видели буржуазного характера тех общественных отношений, в которые вступали крестьяне, вырываясь из оков крепостничества после реформы 1861 г. Они считали, что молодой, еще слабый русский капитализм не в силах расколоть якобы однородное крестьянство, что развитие деревни после

реформы идет по линии укрепления так называемых народных институтов — земельной общины, артелей и т. п. Они не выделяли рабочий класс из общей массы трудящихся, не понимали доходивших до них произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых было выяснено, какие причины будят рабочий класс, сплачивают его, создают объективные условия для массового рабочего движения. Не в рабочем, а в общинном крестьянине они видели борца за социализм.

Одно крыло народничества — народники-«бунтари», находясь под влиянием идеолога анархизма М. Бакунина, питали оптимистические надежды на близкую возможность крестьянского переворота, призывали идти в деревню, чтобы взбунтовать народ. Другое крыло — народники-«пропагандисты» (последователи П. Лаврова) не разделяли этих оптимистических надежд, ставя своей задачей прежде всего мирную пропагандистскую деятельность среди крестьян и углубленную самообразовательную работу среди молодежи. Для сторонников П. Ткачева были характерны фантастические представления о необычайной легкости социалистической революции в России. Они считали необходимым немедленно осуществить захват власти силами узкой заговорщической организации, силами революционной интеллигенции.

Рабочие организации стояли в стороне от этих народнических направлений. Первые рабочие союзы, возникшие в России, — в 1875 г. «Южнороссийский союз рабочих» (основанный Е. Заславским), в 1878 г. «Северный союз русских рабочих» (созданный В. Обнорским и С. Халтуриним) — начали принимать участие в рабочих стачках и руководить ими, выпуская прокламации, внося организованность в борьбу рабочих против капиталистов.

«Южнороссийский союз рабочих» объединял не только передовых рабочих Одессы, где был создан этот союз. Он распространил свою деятельность и на другие города (Таганрог, Ростов-на-Дону и др.). «Южнороссийский союз рабочих» ставил своей задачей пропаганду идей социализма и борьбу за освобождение рабочих из-под гнета капитала. Союз получал из Западной Европы социалистическую литературу, был осведомлен о деятельности I Интернационала.

«Северный союз русских рабочих», как и «Южнороссийский союз рабочих», придавал самостоятельное значение рабочему движению. «Северный союз» объявил, что

«по своим задачам он примыкает к социал-демократическим рабочим партиям Запада». В программе «Северного союза» впервые была выдвинута идея международной солидарности русских и иностранных рабочих. Рабочие информировались о западноевропейском пролетарском движении, о деятельности I Интернационала, руководимого Марксом и Энгельсом. Своей ближайшей задачей союз ставил завоевание политической свободы и политических прав для народа (свободы слова, печати, права собраний). Конечной целью союза провозглашалась социалистическая революция.

Таким образом, рабочие союзы впервые в России выдвинули требование политических прав для трудящихся, требование политической свободы. Они пытались формулировать особые задачи, стоящие перед русским рабочим классом, понимая огромное значение рабочего движения для судеб России.

«Когда в 1875 г. образовался «Южно-русский рабочий союз» и в 1878 г. «Северно-русский рабочий союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов, — писал Ленин, имея в виду народников; — эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма»¹. Но эти первые рабочие организации вскоре были разгромлены царским правительством.

Процесс 50 революционных деятелей, происходивший в 1877 г., ярко отразил рост классового самосознания русских рабочих. Организатор московских рабочих, ткач Петр Алексеев на суде пророчески предсказал: «подымет мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!».

Ткач Петр Алексеев, столяр Степан Халтурин, слесарь Виктор Обнорский и другие, начинавшие собиранье сил русского революционного пролетариата, были его вожаками, их революционную деятельность и поныне высоко ценит рабочий класс всех стран.

И. В. Сталин так характеризовал общественно-политическое движение 70—80-х годов в России: «... были

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 237.

социалисты, было и рабочее движение, но они шли независимо друг от друга, сами по себе: социалисты — к утопической мечте («Земля и воля», «Народная воля»), а рабочее движение — к стихийным бунтам. Оба действовали в одни и те же годы (70—80-е годы), не зная друг друга. Социалисты не имели почвы среди трудящегося населения, ввиду чего их действия были отвлечёнными, беспочвенными. Рабочие же не имели руководителей, организаторов, ввиду чего их движение выливалось в беспорядочные бунты. Это было главной причиной того, что героическая борьба социалистов за социализм осталась бесплодной и их сказочное мужество разбилось о твёрдые стены самодержавия»¹.

В это время, в середине 70-х годов, появляется на общественной арене Г. В. Плеханов.

Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября (по старому стилю) 1856 г. в семье отставного штабс-капитана, мелкого помещика Валентина Петровича и Марии Федоровны (племянницы В. Г. Белинского) Плехановых в селе Гудаловка, Липецкого уезда, Тамбовской губернии. Это было время, когда только что отзвучали залпы Крымской войны, так ярко показавшей величие и силу патриотизма русского народа и гнилость самодержавно-крепостнического режима, его неспособность обеспечить прогрессивное развитие России.

В 1866 г. Плеханов приехал из своего родного села в Воронеж и поступил во второй класс военной гимназии, которую окончил блестяще: его имя было занесено на золотую доску. В 1873 г. Плеханов переехал в Петербург и был принят в Константиновское юнкерское училище, а через год получил разрешение поступить в высшее учебное заведение гражданского типа и был зачислен студентом Горного института.

В Плеханове рано пробудились пылкий, критический ум и революционное чувство. Все свободное от занятий время он посвящал чтению книг по различным отраслям науки. Он живо интересовался естествознанием, особенно химией, читал Дарвина, что имело немаловажное значение для формирования его материалистического мировоззрения. В старших классах гимназии Плеханов стал атеистом. Он вступал в диспуты с законоучителями, вел разговоры

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 13.

о происхождении человека, развивая взгляды, почерпнутые у Дарвина.

Плеханов любил и основательно знал классиков русской и мировой литературы, увлекался вольнолюбивой поэзией Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гейне, Байрона. Начитанность молодого Плеханова создала ему среди товарищей репутацию «ходячей энциклопедии».

Воспитанники военной гимназии, несмотря на строгость начальства и всевозможные запрещения, нередко объединялись в кружки, где читали и разбирали произведения Ломоносова, Державина, Жуковского, Пушкина, Некрасова, Рылсева, знакомились с запрещенными книгами, с произведениями Герцена, Писарева, Белинского. Вольнолюбивые произведения великих писателей рождали в сердцах юношей революционные настроения, будили в них прогрессивные стремления.

«Я был тогда, — вспоминает Плеханов, — в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтное учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!». Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память...»¹.

В Горном институте, среди прогрессивно настроенного студенчества, под влиянием революционной литературы и жизненных наблюдений вольнолюбивое умонастроение Плеханова созрело и укрепилось. Революционные события, разговоры и споры по поводу их наталкивали молодого Плеханова на «проклятые вопросы», рождали в нем критическое отношение к окружающему. Ему, как и всем передовым людям того времени, обстановка в России — царский деспотизм, всемогущество полиции, цензура и т. д. — казалась невыносимой.

В начале 1876 г., когда Плеханову не было еще 20 лет, он примкнул к одному из революционных народнических

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. X, стр. 389.

кружков, кружку «бунтарей», вошедшему затем в организацию «Земля и воля».

Это было время демократического подъема. В связи с русско-турецкой войной (1877—1878 гг.), принесшей русскому народу много тяжелых испытаний, в России началась новая полоса в развитии освободительного движения. С середины 70-х годов усилилось крестьянское движение против помещиков, несколько затихшее после разгрома его царизмом в конце 60-х годов. В рабочем классе все сильнее росло недовольство, увеличивалось число стачек. Революционными настроениями был затронут и довольно большой слой интеллигенции.

Студент-бакунист Плеханов энергично вербовал сторонников общества «Земля и воля». Он являлся активным участником конспиративных студенческих сходок, на которых обсуждались вопросы о «знании и революции», о «долге образованных классов народу», о «хождении в народ», о «народном характере», «народных идеалах» и т. п. Отдавая «дань общему увлечению», Плеханов дважды — в 1877 и в 1878 гг. — с намерением погрузиться в гущу народную ходил, как народник-агитатор, «в народ»: выезжал в Саратов и на Дон, в станицу Каменскую.

К концу 70-х годов Плеханов стал одним из самых энергичных и видных деятелей народничества. Он был одним из редакторов нелегального журнала «Земля и воля»¹. По его инициативе и при его непосредственном участии впервые, в 1878 г., была сформулирована программа «Земли и воли».

Деятельность общества «Земля и воля» серьезно беспокоила царское правительство. Полицейские ищйки усердно охотились за Плехановым и дважды — в 1877 и 1878 гг. — он подвергался аресту. Напряженная, полная опасности и лишений жизнь подпольщика, находящегося на нелегальном положении, заставила Плеханова в 1877 г. бросить Горный институт. Институтское начальство «оформило» уход Плеханова, исключив его из института якобы за «малоуспешность».

¹ Особенно широкую известность он приобрел как народнический публицист, выступив со статьями: «Об чем спор?» («Неделя» № 52, 1878 г.), «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» («Земля и воля» № 3, 1879 г.), «Поземельная община и ее вероятное будущее» («Русское богатство», 1880 г.), а также со статьями периода «Черного передела» (1880—1881 гг.).

По своим воззрениям Плеханов в этот период был типичным народником, принимавшим и пропагандировавшим и теорию, и программу, и тактику революционного народничества. Он разделял философские взгляды популярного тогда в России эклектика Бакунина, а также представителей субъективной социологии. «В народнический период моего развития, я, — как и все наши народники, — писал Плеханов, — находился под сильным влиянием сочинений Бакунина...»¹. Причем Ткачев и Бакунин казались ему людьми одного направления с Чернышевским. Подобное заблуждение в то время разделялось многими представителями революционной интеллигенции.

Историю общества, общественные отношения Плеханов рассматривал с позиций идеализма. Большое влияние на него оказали «Исторические письма» Лаврова. Вслед за Лавровым Плеханов считал, что история направляется общественными деятелями, реформаторами, что критерием общественного прогресса являются абстрактные «принципы справедливого общежития». Он пытался следовать и Конту, устанавливая три эпохи в развитии истории человечества: теологическую, метафизическую и позитивную. Отрицательно относясь к государству, он вслед за Бакуниным считал, что в силу особых исторических условий развития России главные усилия революционеров должны быть направлены на устранение «развращающего» влияния современного государства, на разрушение государства и предоставление крестьянству возможности устраиваться «на всей своей воле». Вместе с тем Плеханов защищал идею крестьянской революции. В противоположность Ткачеву он отстаивал мысль, что «перевороты бывают гораздо более прочными, когда они идут снизу». После свершения революции, считал Плеханов, общественное устройство должно принять форму вольной безгосударственной федерации общин.

Плеханов воспевал общину как путь перехода к социализму, отстаивал самобытный путь развития России. В статье «Об чем спор?» он выступил с критикой писателя Глеба Успенского, который в своих очерках в журнале «Отечественные записки» ярко нарисовал процесс разложения патриархальной русской деревни. Плеханов стремился доказать, что Г. Успенский неправ, что общинный

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 19.

дух еще насквозь пронизывает русского мужика, который якобы проявляет удивительную стойкость в вопросе о типе своего экономического устройства. Плеханов требовал не искажать общинных начал крестьянской жизни, которые якобы «гарантируют народу светлое будущее».

О марксистской теории, о Марксе и Энгельсе Плеханов впервые услышал в кружке народников Оболенева и Натансона.

Проникновение марксизма в Россию в 70-х годах в условиях царского режима и распространения враждебных марксизму течений, прежде всего народничества, было сопряжено с огромными трудностями. Однако передовые русские люди познакомились с трудами Маркса и Энгельса еще раньше, в 40—60-х годах. Отдельные произведения Маркса и Энгельса знали Белинский, Герцен, петрашевцы, последователи Чернышевского — Антонович, Шелгунов, братья Серно-Соловьевичи. В 1869 г. был издан на русском языке «Манифест Коммунистической партии». В 1872 г. в русском издании вышел I том «Капитала» Маркса. В связи с переводом «Капитала» на русский язык Маркс писал Кугельману: «...первым переводом «Капитала» на иностранный язык оказывается перевод на русский»¹. Но идеи марксизма были широко восприняты в России гораздо позднее — на базе развернувшегося массового движения пролетариата. Распространение марксизма проходило в жестоких схватках с либеральным народничеством.

В 70-х годах Плеханов знакомится с экономическим учением Маркса. В 1876 г. Плеханов начал читать «Капитал» Маркса. К этому времени он уже знал политэкономии Милля (перевод и критические замечания Н. Г. Чернышевского), читал работы Зиберы — видного русского ученого-экономиста, пропагандиста экономического учения Маркса. Он знал статью Шелгунова в «Современнике», в которой давался сокращенный перевод книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», статью В. И. Покровского с изложением главы «Капитала» о рабочем дне, рецензию Кауфмана на «Капитал».

Плеханов интересовался всем, что печаталось в России по вопросам марксизма. В его работах до 1883 г. не-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 534.

редко можно встретить и ссылку на Маркса, и упоминание о нем, и даже цитирование и изложение отдельных положений марксизма. Но обращался к Марксу Плеханов в то время главным образом для того, чтобы приукрасить теоретические позиции народников.

Это надо особенно подчеркнуть потому, что в литературе о народническом периоде деятельности Плеханова распространено было утверждение, что Плеханов-народник фактически народником не являлся. Это неверное утверждение основывалось на высказываниях самого Плеханова. В 1905 г. в предисловии к I тому издания своих сочинений Плеханов, уже будучи меньшевиком, писал: «...мое нынешнее миросозерцание представляет собой не более, как логическое развитие основной мысли, увлекавшей меня уже тогда, когда я работал в органах революционного народничества»¹. Подобными положениями меньшевик Плеханов стирал принципиальное различие во взглядах марксизма и народничества, забывая о том, что только марксизм явился подлинно революционным учением, вооружившим трудящиеся массы в их борьбе за свое освобождение.

Впоследствии эти высказывания Плеханова широко распространялись меньшевистствующими идеалистами, стремившимися представить Плеханова марксистом с самого начала его революционной деятельности. Они переоценивали теоретический уровень идейных позиций Плеханова до 1883 г. и умалчивали о том, что Плеханов, даже став марксистом, не освободился до конца от пережитков народничества.

Ложная концепция о марксистских взглядах Плеханова в период его народнической деятельности сказалась на оценке его первой крупной работы «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», написанной в 1879 г. В ней усматривалась «марксистская постановка вопросов»².

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 49.

² В работах Л. Дейча и других плехановцев утверждается, что эта статья была первой марксистской статьей Г. В. Плеханова. Такого же взгляда придерживался и М. Н. Покровский, считая, что Плеханов уже в это время показал понимание марксова метода, что в данной статье Плеханов становится на общетеоретическую платформу марксизма, что народничество Плеханова уже в январе 1879 г. висело на волоске и т. д.

Анализ данной работы дает возможность опровергнуть апологетов Плеханова. Хотя Плеханов в ней действительно неоднократно ссылается на Маркса и даже пытается связать отдельные свои положения с марксизмом, тем не менее он употребляет имя Маркса лишь для того, чтобы доказать правоту народнических воззрений.

Так, положение Маркса о том, что общество «не может перескочить через естественные фазы «своего развития, когда оно напало на след естественного закона этого развития»...», объявляется Плехановым якобы не противоречащим народническим взглядам, в частности догмату о самобытности развития России. Ход мыслей Плеханова типично народнический: Россия якобы не напала еще на след этого закона, поэтому обусловленная им смена экономических фазисов «для нее не обязательна»; поскольку законы общественного развития, установленные для Запада, к России неприменимы, то в ней возможен особый путь развития — развитие общины. Он повторял народнические догмы, что за общину держится большинство крестьянства, что для России капитализм — более реакционное явление, чем община, и т. п. Так Плеханов использовал высказывания Маркса, чтобы доказать наличие особого пути развития России.

Говоря о необходимости вести пропаганду среди рабочих, Плеханов рассматривал пролетариат как «часть того же самого крестьянства», а революционные выступления в городах считал средством «отвлечь силы правительства и дать крестьянскому восстанию время окрепнуть и развиться до степени непобедимости»¹.

В этой статье Плеханова имеются воспринятые им от Чернышевского элементы материализма, которые позднее облегчили Плеханову разрыв с народничеством. Он, например, неодобрительно отзывался о западноевропейских социалистических писателях 30—40-х годов, которые не придавали значения законам общественного развития и считали пропаганду «способною изменять по произволу ход истории». Плеханов особенно подчеркивал, что у Маркса «социализм является сам собою из хода экономического развития западно-европейских обществ».

Но в целом статья «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» написана с идеа-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 70.

листических позиций. Из нее видно, что Плеханов еще не воспринял существа открытого Марксом материалистического понимания истории. Он считал, что движущей пружиной общественного развития являются «общественные привычки», «социальные чувства» и т. п. Кроме того, он отдавал дань эклектизму, характерному для идеологов народничества. Маркса и Энгельса Плеханов ставил на одну доску с Родбертусом и Дюрингом. «Родбертус, Энгельс, Карл Маркс, Дюринг образуют, — писал он, — блестящую плеяду представителей позитивного периода в развитии социализма»¹. Эти слова Плеханова ясно показывают идейный уровень его воззрений в тот период, свидетельствуют о том, что он был еще очень далек от марксизма, от научного социализма.

Большое влияние на Плеханова оказала книга М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», в которой приводился обильный фактический материал, показывавший процесс разложения общинного землевладения. О книге Ковалевского Плеханов писал, что она впервые очень сильно поколебала его народнические воззрения, хотя он еще и спорил против ее выводов. Попытку опровергнуть эту книгу Плеханов предпринял в специальной статье «Поземельная община и ее вероятное будущее».

Вопрос об особых условиях существования общины в России — главная тема этой статьи Плеханова. Тезис Маркса о прогрессивности капитализма по сравнению с феодализмом Плеханов считал правильным лишь для Западной Европы, где община давно исчезла, но не для России, и ставил задачу выяснить, в чем отличие России от других стран.

Плеханов с позиций механицизма убеждал Ковалевского, что нет никакого внутреннего, «самопроизвольного» развития общины в направлении к разрушению. Оно вызывается якобы лишь неблагоприятным стечением внешних причин. «Не внутри, а вне общины лежат причины ее почти повсеместного разрушения»², — писал Плеханов. К числу внешних причин разрушения общины Плеханов относил прежде всего завоевание, которому он отводил главенствующую роль в ходе общественного развития,

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 57.

² Там же, стр. 107.

затем — промышленное развитие, развитие техники, деятельность законодательной власти и борьбу классов. Все это, по Плеханову, — посторонние причины, лежащие вне общины.

Он думал, что разрушение общины в России происходило только в силу отрицательных внешних влияний, но что возможна другая комбинация условий, при которых община, напротив, будет расти и развиваться. Ограничить влияние неблагоприятных условий — в этом видел Плеханов задачу русских общественных деятелей, считая, что «сознательно-положительное отношение» к общине крестьянской массы и интеллигенции может в значительной степени нейтрализовать «действие враждебных ей влияний».

Признание факта разложения общины в России, несомненно, является некоторым отступлением Плеханова от народничества. Отступлением от народничества является также допущение, что внешние влияния, а также классовая дифференциация в русской деревне могут настолько исказить принципы русской поземельной общины, что меры для ее сохранения не будут достигать цели.

Но Плеханов еще не знал и не понимал законов общественного развития, не уяснил себе диалектики Маркса, рассматривал развитие общества метафизически, применяя при объяснении истории вульгарную теорию взаимодействия факторов. Марксистская фразеология отдельных высказываний Плеханова в его работах конца 70-х годов по существу отражала понимание им марксизма в духе «экономического материализма» Бакунина. Таким образом, в вопросах теории взгляды Плеханова в этот период не отличались от народнических: это была смесь идеализма и «экономического материализма».

Плеханов был народником по своим взглядам, однако у него наблюдался интерес к учению Маркса, он стремился изучать и исследовать материальные условия жизни общества, его интересовал вопрос о пролетариате и его роли в революционном движении в России.

Рост пролетариата в России, скопление его в городах способствовали сближению революционного студенчества с рабочими. К этому сближению толкал молодежь и опыт западноевропейского рабочего движения. В рабочей среде студенты-революционеры развернули довольно деятельную пропаганду, в которой Плеханов, студент Горного института, принимал активное участие.

В 1876 г. Плеханову, которого чрезвычайно интересовало нарождавшееся «рабочее дело», т. е. революционное движение рабочего класса в России, было поручено руководство рабочими кружками. «Занятия с рабочими», — писал Плеханов, — стали с тех пор моей революционной обязанностью¹.

С большой энергией развернул Плеханов революционную пропаганду и агитацию среди питерских пролетариев, «заводских и фабричных». Он приобрел широкие связи в рабочих кружках на заводах и фабриках, в Галерной гавани, на Васильевском острове, на Петербургской стороне и на Выборгской стороне, на Обводном канале и т. д. Он не ограничивался только пропагандой в кружках. Он посещал квартиры питерских пролетариев, выступал на рабочих собраниях, помогал проводить стачки, писал прокламации, разъяснял рабочим всю важность активных выступлений и призывал их участвовать в противоправительственных демонстрациях.

Плеханов, тогда еще двадцатилетний студент, был одним из организаторов и непосредственных участников первой политической демонстрации в России, состоявшейся 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге. Эта демонстрация имела большое значение в политическом развитии передовых слоев русского общества. В ней впервые приняли активное участие питерские рабочие. Впоследствии о ней пели:

И вот на площади Соборной
В столице русского царя
«Земли и Воли» флаг народный
Взвился шестого декабря.

Горячая обличительная речь, с которой выступил Плеханов, была первой его открытой политической речью против самодержавия. Полиция пыталась арестовать оратора, но рабочие — участники демонстрации — помогли Плеханову избежать ареста. Полиция усиленно разыскивала Плеханова, и он вынужден был уехать за границу, но после семи месяцев пребывания в Берлине, Париже, Женеве вернулся в Россию и перешел на нелегальное положение.

Общение с петербургскими рабочими имело большое значение в формировании революционного мировоззрения

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 133.

Плеханова. Оно еще сильнее развило в молодом Плеханове веру в русский народ, в его одаренность и силу. Плеханов познакомился и сблизился с одним из выдающихся революционеров того времени — рабочим Степаном Халтуриним, создателем «Северного союза русских рабочих». Плеханов в теплых словах характеризовал этого замечательного революционера, его незаурядный ум и огромное влияние на революционеров 70-х годов. Он говорил о Халтурине: «...какая это смелая и замечательная личность! Революционный пыл, вдумчивость и чувство самоотвержения — все это соединяется в нем гармонично».

Политические взгляды и стремления С. Халтурина резко расходились со взглядами бунтарей-народников, что было подмечено Плехановым. В своих воспоминаниях Плеханов рассказывал о равнодушном отношении С. Халтурина к народническим спорам об общине. Он также подчеркивал, что Халтурин, в отличие от народников, отрицательно относился к террору: «Чистая беда, — восклицал Халтурин, — только-только наладится у нас дело, — хлоп! шагнула кого-нибудь интеллигенция, и опять провалы». Как известно, народники все-таки заставили Халтурина бросить революционную работу по созданию рабочего союза и целиком заняться террором.

Деятельность в рабочей среде оказала на Плеханова исключительно большое воздействие, явилась одним из решающих факторов его перехода к марксизму. Некоторые комментаторы идейной эволюции Г. В. Плеханова утверждали, что деятельность в рабочей среде явилась для него началом деятельности в качестве марксиста. Это неточно. Нельзя забывать, что Плеханов выступал среди рабочих, как убежденный народник-бунтарь, еще весьма далекий от марксизма, что подтверждается и словами самого Плеханова.

Отношение к рабочим у него, как и у других народников-«бунтарей», по его собственным словам, было двойственным и непоследовательным.

«С одной стороны, в своих программах мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования исключительно на крестьянские бунты; а с другой стороны — мы все-таки считали нужным «заниматься с рабочими»... Слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству

и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в каком случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария»¹.

Если народники и рассказывали рабочим о I Интернационале, то они при этом всячески превозносили деятельность Бакунина, а сторонников Маркса и Энгельса изображали как «реакционеров».

Таким образом, народники проповедовали рабочим не марксизм, а бакунизм, учили рабочих презирать борьбу за политические права и политическую свободу и ставили перед ними в виде идеала допотопные крестьянские учреждения.

Позднее, уже став марксистом, Плеханов так оценил деятельность народников среди рабочих: «...действовать в среде пролетариата, не отводя ему никакой самостоятельной роли в общественном развитии, значит *не развивать, а запутывать* его классовое самосознание»².

Рабочее движение и его задачи Плеханов в эти годы рассматривал как убежденный народник. Проникнутый народническими предрассудками, он видел в развитии капитализма в России и в росте пролетариата величайшее зло. Он еще не пришел к пониманию исторической роли пролетариата и считал главной революционной силой крестьянство. Плеханов-народник доказывал, что рабочие — это те же крестьяне, что у рабочих, временно оторванных от земли, сохраняются те же интересы, что и у крестьян. Рабочие, считал он, как часть населения, наиболее поддающаяся «революционизированию», являются «драгоценными союзниками крестьян в момент социального переворота»³.

Отводя рабочему классу подчиненную роль в революционном движении, Плеханов, однако, не оспаривал необходимости охватить всех рабочих агитационной работой, поднимать их на бунты. Выступления рабочих, стачки, рабочие волнения, считал он, весьма нужны, они должны отвлекать царские войска от центров крестьянского

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 140, 141.

² Там же, стр. 141.

³ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 70. Заметим, что вслед за Л. Дейчем это положение меньшевистствующие идеалисты истолковывали неправильно, как предвосхищение Плехановым ленинской идеи союза пролетариата и крестьянства.

восстания. Кроме того, он думал, что городские рабочие должны дать армию агитаторов для призыва крестьян к восстанию. Таково было отношение Плеханова к пролетариату в этот период.

Плодом кипучей революционной деятельности Плеханова в рабочей среде явились написанные им в 1877—1879 гг. корреспонденции и статьи о крупных волнениях и стачках рабочих Питера: «С новой Бумагопрядильни», «С бумагопрядильной фабрики Кенига», «Волнения в среде фабричного населения» с эпиграфом: «И несут эти люди безвестные неисходное горе в сердцах», прокламация «Рабочим патронного завода» и др. В этих статьях Плеханов показывал фабричные порядки, положение и борьбу питерских рабочих, подчеркивая, что русский рабочий находится под двойным гнетом рабства экономического и политического. Его статьи и прокламации о стачках рабочих — важный источник изучения истории рабочего движения России в 70-е годы XIX в.

Трехлетняя деятельность в рабочей среде способствовала уяснению Плехановым той революционной роли, которую играет рабочий класс. Уже тогда Плеханов требовал учитывать роль рабочего класса в общественной жизни. Тщательный анализ стачек на фабриках Беккера, Шапшала дал ему возможность сделать важный вывод, что рабочий вопрос самой жизнью выдвинулся вперед, наперекор народнической догматике. Подчеркивая перво-степенное значение рабочего вопроса, он призывал русских революционеров обратить на рабочий вопрос особое внимание, утверждая, что социалисты не могут оставаться равнодушными зрителями таких важных событий в жизни рабочих, как стачка.

Мысли Плеханова о необходимости развертывания политической работы в рабочем классе привели его впоследствии к осознанию того, что участие рабочего класса в революционной борьбе обеспечивает ее успех. В отличие от многих народников Плеханов приветствовал создание «Северного союза русских рабочих». «Возникновению Союза, — писал он, — нельзя было не радоваться даже с нашей тогдашней, народнической, точки зрения»¹.

Общение Плеханова с рабочей массой Питера в условиях развития капитализма и роста рабочего движения

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 186.

оказало непосредственное и решающее влияние на формирование его революционного мировоззрения, толкало его к марксизму. Таким образом, Плеханов складывался как революционер под влиянием русского рабочего движения. Отрицательное отношение народников к пролетариату породило у Плеханова первые сомнения в правильности теории и тактики народничества.

К пересмотру народнической идеологии подготовлял Плеханова и наметившийся к этому времени кризис народничества, явившийся выражением глубочайших изменений, происшедших в социально-экономическом строе России.

Практическая деятельность народников в 70-х годах принесла им разочарование. Отправляясь «в народ», революционеры того времени не имели достаточно ясного представления о сущности «социальной революции» и искренно верили, что сделать ее очень легко и просто. Но жизнь опрокинула их расчеты. «Вера» в революцию у многих была разбита при первом же столкновении с жизнью.

Так, например, летом 1878 г. происходили волнения среди донских казаков по случаю введения у них земства. Землевольцы поспешили отправиться на Дон и завязать сношения с недовольными. Однако горячее желание Плеханова и других землевольцев «взбунтовать Тихий Дон», поднять казачество на борьбу с царизмом ни к чему не привело. Казачество осталось равнодушным к их агитации.

Пропаганда крестьянских бунтов и народнического «социализма» не имела успеха среди крестьянства. Крестьянские массы не пошли за народниками. «Отсюда — бессилие движения, несмотря на героизм одиночек»¹. «Хождение в народ» уже не казалось народникам скорейшим и вернейшим средством изменить существующий порядок. Они бросили агитационно-массовую, революционную работу в народе. Они решили, что «дело не в мужике, а в правительстве», и возложили все надежды на индивидуальный террор. Террор, царубийство, считали они, «развяжет» революцию, создаст выгодную обстановку для захвата власти.

Идеи терроризма стали распространяться среди землевольцев все шире и шире. Большинство землевольцев,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 295.

возглавляемое Андреем Желябовым и Софьей Перовской, разочарованное в «хождении в народ», перешло к тактике индивидуального террора¹, решив продолжать революционную борьбу против царизма одними своими силами, без народа. Это был уход в сторону от программы Чернышевского, звавшего к крестьянской революции.

Плеханов проникался пониманием того, какой вред приносило это «единоборство с самодержавием» агитационной работе в массах и организации масс на борьбу за изменение общественного строя. К этому времени народники стали вынашивать мысль об убийстве царя Александра II. Плеханов выступил против плана убийства Александра II народником Соловьевым и потребовал на общем собрании петербургских членов «Земли и Воли», чтобы Соловьеву было запрещено приводить в исполнение свое намерение. Он указывал, что этот акт приведет к разгулу царского террора, вследствие чего революционная деятельность из-за арестов должна будет прекратиться и, главное, должны будут прекратиться занятия с петербургскими рабочими. Решение собрания о приведении плана в исполнение еще более укрепило возникшие у Плеханова сомнения в правильности народнических взглядов и тактики.

Летом 1879 г. вскоре после Воронежского съезда, который явился реакцией на неудачи «хождения в народ», народническая организация «Земля и воля» раскололась на группу «Черный передел» и организацию заговорщиков и террористов «Народная воля». «Я уехал, — пишет Плеханов, — из Воронежа в Киев, увозя с собой безотрадное убеждение в том, что *народничество*, казавшееся мне тогда единственным возможным в России видом *социализма*, погибает...»².

¹ В 1866 г. Каракозов неудачно покушался на жизнь Александра II. В январе 1878 г. Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова, в августе 1878 г. Кравчинский убил шефа жандармов Мезенцева, 2 апреля 1879 г. Соловьев совершил неудачное покушение на Александра II. В ноябре 1879 г. народо-вольцами был подготовлен взрыв царского поезда, но неудачно. 5 февраля 1880 г. С. Халтурин совершил в Зимнем дворце неудачное покушение на царя, взорвав царскую столовую. 1 марта 1881 г. народо-вольцам удалось убить бомбой царя Александра II. В 1882 г. С. Халтурин совершил покушение на царского военного прокурора Стрельникова.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 24.

Убийство Александра II, организованное А. Желябовым и С. Перовской, не принесло никакой пользы народу. «Убийствами отдельных лиц нельзя было свергнуть царское самодержавие, нельзя было уничтожить класс помещиков»¹. На место убитого царя появился другой — Александр III, которого Салтыков-Щедрин изобразил в образе торжествующей свиньи, порешившей сожрать солнце. Оторванная от народа тайная народническая организация «Народная воля» распалась. Динамит народо-вольцев, говорил Плеханов, убил не только Александра II, но и народническую теорию.

Революционеры-семидесятники были людьми непосредственного действия, боевого революционного темперамента, жертвенного подвига. Они сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе с самодержавием, но связать ее с рабочим движением и социализмом им не удалось. Они шли на неравную борьбу и героически погибали. Своей непосредственной цели — пробуждения народной революции народо-вольцы не достигли и не могли достигнуть.

Именно жертвенность, героизм революционеров «Народной воли» высоко ценили классики марксизма-ленинизма.

Вместе с тем они резко осуждали методы революционной деятельности народников, подвергали самой решительной критике применяемую ими тактику индивидуального террора, «единоборства», которая исключала массовое революционное движение, подменяла борьбу масс борьбой одиночек-героев.

В. И. Ленин, оценивая заслуги и отмечая ошибки народников, указывал: «Не в том состояла ошибка народо-вольцев, что они постарались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»².

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 12.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 442—443.

С 80-х годов в народничестве взяло верх либеральное направление, либеральная тенденция примирения с царским правительством и отказа от революционной борьбы. Революционное народничество начало перерастать в реакционное, либеральное народничество, утопический социализм стал перерастать в мещанский радикализм.

Маркс и Энгельс подчеркивали в «Манифесте Коммунистической партии», что «значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это фантастически отрицательное к ней отношение лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты»¹.

Эта отмеченная Марксом закономерность эволюции утопического социализма позволяет понять, что перерождение революционного народничества в народничество либеральное было не случайным и необъяснимым, а естественным и неизбежным.

Рост капиталистических отношений, развитие классово-вой борьбы, выступление на историческую арену пролетариата, расслоение крестьянства в деревне — все это лишало народнические теории социальной почвы и послужило причиной вырождения народничества в реакционную секту, представлявшую интересы кулачества.

Возглавив группу «Черный передел», Плеханов, отстаивая позиции пропаганды и агитации в народе, выступал против террористической тактики народовольцев, боролся с их крайне узким пониманием революционных задач. Он показывал, что героизм отдельных личностей недостаточен для борьбы с целой политической системой. Деятельность «Народной воли» он называл «энергией отчаяния». И все же Плеханов далеко еще не стоял на правильных позициях. Он даже не являлся решительным противником террора. Он считал, что террор и хождение в народ, посещения в народе должны ужиться вместе.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1954, стр. 68.

Группа «Черный передел» защищала старые позиции землевольчества. В «Манифесте тайного братства» она, обращаясь к крестьянам, призывала их к сопротивлению, выдвигала требование передачи крестьянам помещичьих и казенных земель и равного раздела их.

В письме к Зорге Маркс отозвался об этой группе Плеханова, как о бакунистской. Говоря об этом письме Маркса, Ленин писал, что анархистские элементы во взглядах чернопеределцев «верно схвачены Марксом».

Группа «Черный передел» просуществовала недолго. Преследуемый за революционную деятельность, Плеханов вместе с группой чернопеределцев — Верой Засулич, Даем и Стефановичем — вынужден был в 1880 г. эмигрировать за границу. Он прожил вдали от родины 37 лет.

В годы эмиграции Г. В. Плеханов работает много и плодотворно. Тщательно, с исключительной научной добросовестностью штудировал он работы по истории политической экономии и социологии, продолжает свои занятия по философии, литературе и искусству. Он интересуется вопросами естествознания, посещает лекции по химии, геологии, анатомии, зоологии, антропологии, истории. Но самое существенное место в его работе занимает изучение марксизма.

Блестяще зная французский язык и овладев немецким, он в подлиннике изучает работы Маркса и Энгельса, знакомится с рабочим движением и деятельностью социалистических партий Франции, Германии, сопоставляя с новыми данными свой опыт революционной деятельности в России. «За границей, — писал Плеханов, — только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России»¹.

Деятельность Плеханова-народника протекала в условиях, когда весь ход экономического развития России толкал к уничтожению самодержавия, к расчистке почвы для развития капитализма, к росту рабочего класса и рабочего движения, а следовательно, к созданию условий для восприятия в России идей Маркса и Энгельса.

Плеханов все яснее сознавал, что народничество изжило себя и оказалось несостоятельным при проверке практикой, что приобретенный им в продолжение нескольких

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 92.

лет опыт революционной агитации в рабочей среде находится в резком противоречии с теорией «бунтарей». Кроме того, к разрыву с народничеством Плеханов был подготовлен основательным знанием философских и социологических воззрений передовых мыслителей России. На формирование Плеханова в выдающегося деятеля русского революционного движения и русской культуры оказали огромное благотворное влияние классики русской философии, революционеры-демократы Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов — предшественники социал-демократии в России.

Плеханов высоко ценил и любил этих выдающихся мыслителей-революционеров. Молодой Плеханов — страстный поклонник Чернышевского — в своей деятельности народнического просветителя-демократа продолжил демократическую традицию Белинского — Чернышевского. Он не раз отмечал, что Белинский и Чернышевский были подлинно его учителями и наставниками. Статьи Белинского вызывали у него радостное волнение богатством своего идейного содержания, произведения и личный пример Чернышевского явились для него серьезным стимулом к переходу в лагерь борцов за народное дело. Особенно благотворное влияние оказал на него роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Этот знаменитый роман способствовал восприятию молодым Плехановым социалистических идеалов. Свою первую открытую политическую речь против самодержавия Плеханов посвятил Чернышевскому.

Произведения русских революционеров-демократов воспитали в Плеханове ненависть к царизму и реакции и любовь к отчизне. Он воспринял от них лучшие революционные традиции — горячую любовь к народу, веру в народ, беспредельную вражду к рабству и угнетению, благородное стремление способствовать расцвету своего отечества. Изучение произведений Белинского, Герцена, Чернышевского способствовало усвоению Плехановым материалистических идей, облегчило его переход к марксизму.

Вместе с тем Плеханов, будучи просветителем-демократом, революционным народником, воспроизводил в своих работах также и такие стороны учения Чернышевского, как вера в общину, разделяя и, как народник, уеугубляя утопическую сторону его мировоззрения.

Чтение марксистских произведений помогло Плеханову осмыслить накопленный им революционный опыт, осознать неудовлетворительность народнических «теорий» и решительно порвать с ними.

Плеханов говорил, что трудно представить себе, с каким пылом он и другие члены группы «Освобождение труда» зачитывались передовой литературой, среди которой произведения Маркса и Энгельса занимали первое место. «Лично о себе могу сказать, — писал он, — что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом»...»¹

Основательное изучение произведений Маркса и Энгельса имело важное значение для формирования революционного марксистского мировоззрения Плеханова и для проверки правильности его революционных убеждений. «И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, — писал Плеханов, — тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт...»

Теория Маркса; подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль...»²

✕ Но путь этот был нелегким. Начало 80-х годов было для Плеханова, одного из авторитетных руководителей революционного народничества, мучительным своими сомнениями и трудным периодом — периодом перехода на позиции марксизма.

В 1880—1881 гг. Плеханов выступил со статьями для газеты «Черный передел». Эти статьи написаны еще в духе народничества, однако они дают уже некоторый материал для выяснения вопроса о его идейной эволюции к марксизму, показывают нарастание у него сомнений в правильности теоретических позиций народничества.

В этих статьях попрежнему говорится, что лозунг «Земля и воля» наиболее полно и широко выражает народные потребности, стремления и идеалы. Плеханов продолжал еще считать, что общинное землевладение составляет единственно практически осуществимую в России часть социалистической программы. Он по-бакунински

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 178—179.

² Там же, стр. 178, 179.

поддерживал принцип федерализма в политической организации народа, требовал полного устранения «принудительного начала, на котором основаны современные государства», и в бакунинском духе толковал вопрос о государстве и его противоположности общине, усматривая в государстве причину «крепостнической и капиталистической эксплуатации». В этих статьях впервые была высказана мысль о государстве как причине закрепощения сословий в России, положившая начало его ошибочной оценке Российского государства¹.

Статьи показывают, что Плеханов еще находился в плену метафизики и отдавал дань субъективной социологии, считая, что реформаторы, революционная интеллигенция являются определяющим фактором исторического процесса. Однако в них уже намечается отход от точки зрения народничества. Здесь уже нет прямого утверждения, что только крестьянство явится движущей силой социального переворота в России. Как народник, Плеханов попрежнему отводил главное место социалистической деятельности среди крестьянства, но тут же замечал, что в основе его воззрений отнюдь не лежит какой-нибудь особенный крестьянский социализм. «Мы совсем не отрицаем значения революционной работы в наших промышленных центрах»², — подчеркивал он, напоминая о развитии промышленности в России, о том, что нужда отрывает крестьянина от земли и гонит на фабрики и заводы, а жизнь в больших промышленных центрах разрушает в нем черты земледельца.

В третьей статье в «Черном переделе» Плеханов говорил об актуальности рабочего вопроса, о том, что на Западе рабочий более восприимчив к социализму, чем крестьянин, что необходимо уделить больше внимания деятельности в рабочей среде и вообще расширить деятельность в народе. Таким образом, статьи в «Черном переделе» показывают, что под влиянием своей деятельности в рабочем движении России и изучения революционного движения на Западе Плеханов начинает менять свое отношение к вопросу о роли пролетариата в общественной жизни.

¹ Эта мысль позднее переросла в антимарксистскую теорию надклассовости Российского государства.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 131.

Известный отход от народничества замечен и в его отношении к политической борьбе. Хотя Плеханов все еще считал, что вопросы политические имеют для народа второстепенное значение, он приветствовал политическую борьбу за права человека. Он стал критически относиться к Бакунину и осуждать его взгляды на политическую борьбу.

Не лишена интереса также мысль Плеханова, что на смену абсолютизму идет господство буржуазии. Над ним продолжала еще довлеть точка зрения «экономической исключительности» России, но он уже выдвигал мысль о *прогрессивности* развития русского капитализма и в этой связи останавливал свое внимание на характеристике нового класса — буржуазии. Буржуазия, писал он, «начинает уже расправлять свои крылья. Она чувствует свою силу, понимает свое значение, и, вчерашняя раба, она подсказывает сегодня программу «мирного развития», а на завтра готовится взять в свои руки все управление государством»¹.

Характерными для эволюции Плеханова к марксизму являются его статьи: «Новое направление в области политической экономии» (1881), «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцова» (1882—1883), «А. П. Щапов» (1883), а также «Предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»» (1882).

Свою статью «Новое направление в области политической экономии», опубликованную в журнале «Отечественные записки», Плеханов ошибочно считал последовательно марксистской².

Эта статья Плеханова является разбором взглядов вульгарных экономистов, представителей так называемой «новой» историко-реалистической школы — Э. Лавеле, М. Мейера, выступивших с тезисом о необходимости пересмотра положений «старой» школы — классической политической экономии Смита и Рикардо с точки зрения катедер-социализма. В ней берутся под защиту взгляды А. Смита и Д. Рикардо. Опровергая идеалистическое положение Лавеле и Мейера о том, что «свойства национального человека» определяют собой характер экономической жизни

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 135.

² Вслед за Плехановым и Л. Дейч утверждал, что данная статья является по существу первым произведением Плеханова, в котором последовательно проводились марксистские взгляды.

данного народа, Плеханов пытается объяснить историю человечества на основе экономического развития. «Свойства» человека он ставит в зависимость от экономических отношений, от классового положения людей в обществе. «Свойства» свободного, полноправного гражданина, патриция, средневекового дворянина, наконец, современного буржуа непохожи на «свойства» раба, плебея, крепостного крестьянина или бездомного пролетария¹.

Важно также его высказывание о том, что развитие политических и идеологических взглядов определяется экономическим базисом, что возведение причин общественного развития к экономическому базису проливает новый свет на прочие отрасли социальной жизни — на историю права, политику, учение о нравственности. Но эта мысль проводится еще непоследовательно. О неустойчивости и неопределенности взглядов Плеханова в этот период говорит также то, что он с оговорками, но соглашается с рядом идеалистических положений представителей «новой» школы, например, не критикует идеалистических выводов Лавеле об определяющей роли таких «двигателей», как эгоизм, чувство общности, повиновение долгу, якобы регулирующих человеческую деятельность и общественную жизнь.

Наиболее крупная из статей Плеханова этого периода — «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцова»². Статья о Родбертусе — идеологе реакционного пруссачества, служит доказательством того, что период перехода Плеханова из лагеря народничества на позиции марксизма отнюдь еще не закончился³. В статье немало противоречивых утверждений, свидетельствующих о том, что он еще не овладел диалектико-материалистическим методом Маркса.

В ней преобладают апологетические оценки Родбертуса⁴. Родбертус, по Плеханову, занимает «одно из самых видных мест среди экономических писателей XIX века».

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 185.

² Опубликована в журнале «Отечественные записки» в течение 1882—1883 гг.

³ Неверным является утверждение В. Кирпотина, что Плеханов стал марксистом в 1882 г.

⁴ На это правильно указано в статье Д. Батурина «Карл Родбертус — один из идеологов реакционного пруссачества», «Большевик» № 13—14, 1944 г.

Хотя Плеханов оговаривался, что он не ставит Родбертуса выше Маркса и Энгельса, но все отношение Плеханова к Родбертусу, симпатии к нему, проходящие через всю книгу, показывают недопонимание Плехановым всей разницы между Марксом и Родбертусом¹.

С большой тщательностью, детально излагаются в статье воззрения Родбертуса, но интерес представляет не это изложение, а критический характер высказываний Плеханова о Родбертусе, его стремление дать оценку взглядам Родбертуса с позиций марксизма.

В критике взглядов Родбертуса Плеханов поднялся выше, чем в критике взглядов Лавеле. Эта критика показывает, что он все более полно овладевал экономическим учением Маркса.

На примере понятия «капитал» Плеханов критикует излюбленный Родбертусом прием противопоставления логического и исторического, глубоко вскрывает порочность понимания Родбертусом капитала как совокупности средств производства, взятых вне всякой связи с общественными отношениями людей, т. е. как вечной категории. Основное внимание он сосредоточивает на критике метафизичности родбертусовского логического понятия «капитал», показывая, что обозначать одним и тем же термином «капитал» совершенно различные исторические явления ошибочно. Весь смысл понятий такого рода, говорит Плеханов, заключается в общественных отношениях людей, а эти отношения никогда не могут быть сходными на различных ступенях общественного развития. Вряд ли правильно уподобить римского землевладельца американскому плантатору, хозяйство которого развивается в иных условиях.

Кроме того, Плеханов показывал, что Родбертус не понял экономической необходимости и внутренних причин возникновения капитализма. Он критикует Родбертуса за то, что последний выводит возникновение частной собственности на землю и капитала из насилия. Точка зрения решающей роли насилия в истории, с помощью которой Плеханов ранее объяснял смену различных исторических периодов, теперь была им отброшена. Он пришел

¹ В меньшевистский период меньшевизм Плеханова сказался и на оценке Родбертуса. В 1913 г. в свои статьи о западно-европейских социалистах-утопистах Плеханов включил и представителя прусского юнкерства Родбертуса.

к выводу, что теория насилия оказывается абсолютно неспособной выяснить ход развития данного общественного строя.

Примечательна критика, которой Плеханов подверг идеалистические высказывания Родбертуса о будущем обществе, из которых следовало, что будущее общество наступает не в силу диалектического развития внутренних противоречий, заложенных в капитализме, а в качестве «акта общественной справедливости». И все же Плеханов не сумел до конца раскритиковать антиисторизм и метафизичность писаний Родбертуса. Идеалистический, метафизический метод Родбертуса Плеханов называет «плодотворным» и «историческим». Он не придавал значения требованиям Родбертуса усилить монархическую государственную власть, его проповеди мирных реформ, примирения общественных классов и т. п.

Серьезно ошибался Плеханов, пытаясь разграничить политические и теоретические взгляды Родбертуса. Политику-консерватору Родбертусу он противопоставлял Родбертуса-теоретика, делающего якобы крайние выводы из своего учения. «Практические предложения» его далеко не были так радикальны, как стремления Маркса и Энгельса. Но теоретические основы этих «предложений» ...весьма близко подходили, — по мнению Плеханова, — к учениям крайних партий»¹.

Это отделение практическо-политических взглядов Родбертуса от его теоретических взглядов привело Плеханова к неверной оценке Родбертуса как «беспристрастного», «надклассового» ученого, сумевшего якобы встать выше классовых предрассудков буржуазных экономистов. Склонность Плеханова к объективизму в оценке Родбертуса показывает, что Плехановым уже в эти годы воспринимался свойственный лидерам западноевропейской социал-демократии отрыв теории от практики. Допуская грубейшую ошибку, он убежденно писал, что «отдельные личности могут, конечно, отделаться от исключительно классовой точки зрения и руководствоваться в своей деятельности лишь общими понятиями своими о законах исторического развития. Они могут возвыситься до беспристрастного отношения к общественным явлениям»².

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 218.

² Там же, стр. 337.

Критическая оценка взглядов Родбертуса и вместе с тем непоследовательность и противоречивость этой оценки доказывают, что стадия формирования марксистского мировоззрения Плеханова еще не закончилась.

В 1882 г. Плеханов перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии» и написал к нему предисловие. Это предисловие показывает, что Плеханов основательно изучил теорию научного социализма Маркса. От прежнего отрицания политической борьбы он пришел к признанию первостепенного значения политической борьбы для русского революционного движения.

«Нам казалось, — писал он, — что издание русского перевода «Манифеста Коммунистической Партии» не только полезно, но и необходимо теперь, когда русское социалистическое движение окончательно уже выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, и вопрос о значении и задачах политической деятельности нашей партии становится жгучим практическим вопросом... «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой»¹.

В предисловии Плеханов выдвигает на первый план задачу сплочения рабочих в единую организацию, создание тайных кружков. Он подчеркивает, что успех борьбы рабочего класса зависит от его организованности и ясного сознания им своих классовых интересов. «От организации рабочего класса, — пишет Плеханов, — и непрерывного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты»².

Эти положения в условиях тогдашней России имели важное значение. Вместе с тем в предисловии проглядывают еще неуверенность в возможности распространения на Россию законов общественного развития, действующих на Западе, остатки «теории» самобытности русского исторического развития.

Несколько позднее, в статье «А. П. Щапов» (1883 г.), Плеханов говорит о необходимости всесторонней критики

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 150, 151.

² Там же, стр. 151.

и пересмотра народнической доктрины. Он отрицательно высказывается о взгляде народников на общину, показывая, что общинные рамки становятся слишком тесными для выражения и защиты интересов трудящихся масс. Он считает, что лучшей школой для низшего класса народа является «жизнь в больших центрах», призывает русских революционеров встать на почву научного социализма.

Однако и в этой статье Плеханова еще имеются пережитки народничества. К остаткам народнических взглядов надо отнести слова Плеханова о постепенном переходе самодержавного государства в «народное государство».

Таким образом, работы Плеханова 1881 и 1882 гг. показывают, как он преодолевал иллюзии народничества, веру в особый, некапиталистический путь России, преклонение перед «врожденным» социализмом крестьянина-общинника, надежды на легкость политического переворота и захвата власти. Из них видно, как он преодолевал идеализм и эклектизм и усваивал учение Маркса — Энгельса — политическую экономию, диалектический и исторический материализм, научный социализм.

Марксизм указал Плеханову единственно правильный путь революционной борьбы. «Усвоив воззрения Маркса, мы знаем, что нам делать, — говорил Плеханов, — ...поработают на благо русского народа и ученики Маркса»¹.

Однако Плеханов порвал с народничеством не сразу. С 1880 г. он был участником издававшейся народо-вольцами «Русской социально-революционной Библиотеки» и надеялся переубедить народо-вольцев и повернуть их на путь марксизма. Считая, что народо-вольцы могут эволюционировать к марксизму, что народники — социалисты, но социалисты заблуждающиеся, Плеханов вошел в состав редакции журнала «Вестник народной воли», куда входили также П. Лавров и Л. Тихомиров. Но вскоре же разногласия по важнейшим вопросам политической борьбы привели к разрыву Плеханова с народо-вольцами. Плеханов представил в журнал «Вестник народной воли» свою статью «Социализм и политическая борьба», надеясь доказать народникам устарелость и ошибочность их воззрений и правоту марксизма. Редакция отвергла эту работу и отказалась ее напечатать. Плеханов вышел из

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. IV, стр. 20.

состава редакции и тем самым окончательно порвал с народничеством.

Среди народников к этому времени разброд усилился еще больше. Либеральные тенденции все более и более крепились. Идея блока народников с либералами становилась в народнической среде все более популярной. Старое революционное народничество переросло в реакционное, либеральное народничество. Группа народников-публицистов — Н. Михайловский, С. Кривенко, С. Южаков, В. Воронцов — отказалась от всякой борьбы с царизмом и уже в 80-х годах открыла поход против марксизма. Часть народников пошла по пути прямого ренегатства. Лев Тихомиров, начавший свою народническую карьеру «хождением в народ» и бывший затем редактором «Вестника народной воли», покаялся перед Александром III, написал брошюру «Почему я перестал быть революционером?», а впоследствии стал редактором реакционного органа «Московские Ведомости».

Только незначительная группа среди народников устояла против общей деморализации. Это была группа студентов Петербургского университета: Александр Ульянов, Генералов, Андреюшкин и др. В программе этой группы намечался вопрос об объединении народо-вольцев с марксистами, она стремилась направить главные силы партии на воспитание и организацию рабочего класса, но в обстановке реакции группа эта не нашла правильной дороги и осталась в плену у народо-вольцев. Подготовленное группой покушение на Александра III-«вешателя» провалилось из-за измены и предательства. Пять человек, среди них Александр Ульянов, были казнены.

Разгром «Исполнительного комитета» партии «Народная воля», атмосфера распада народничества, которое уже изжило себя, развертывавшееся рабочее движение толкнули Плеханова к созданию самостоятельной марксистской группы «Освобождение труда».

Народники, в том числе Лавров, отнеслись резко отрицательно к созданию этой марксистской группы, считая, что она не имеет «нравственного права на самостоятельное выступление». Но группа была образована. В объявлении «Об издании «Библиотеки современного социализма» от 25 сентября 1883 г. сообщалось: «Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую

партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного передела» образуют ныне новую группу — «Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями»¹.

В первом выпуске «Библиотеки современного социализма» была опубликована работа Плеханова «Социализм и политическая борьба», которая показала, что Плеханов — создатель группы «Освобождение труда» — выступил, как марксист.

В 1889 г. Плеханов, присутствовавший как представитель русской социал-демократии на международном рабочем социалистическом конгрессе в Париже, отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Энгельсом. До этого они были знакомы лишь через переписку. Личное общение с Энгельсом, беседы с ним по вопросам марксистской теории и революционной политики благотворно повлияли на Плеханова.

Таким образом, Плеханов первым из русских революционеров принял марксизм как цельное мировоззрение и выступил с пропагандой и защитой марксистской теории. «Задачей всей моей жизни, — писал он Энгельсу в 1894 г., — я считаю пропаганду Ваших и Маркса идей»².

В заключение суммируем причины эволюции Плеханова от народничества к марксизму.

Марксистский метод обязывает искать причины развития революционной мысли того или иного общественного деятеля не только в изучении им той или иной теории, а прежде всего в общественных потребностях эпохи, в потребностях революционного движения. Взгляды Плеханова сформировались под решающим влиянием освободительного движения рабочего класса России. Политическая деятельность народника Плеханова в русской рабочей среде, где он наблюдал пробуждение рабочих масс к сознательной жизни и сознательной борьбе, уяснение исторического опыта западноевропейского рабочего движения были важнейшими источниками формирования марксистского мировоззрения Плеханова. Вместе с тем кризис теории и практики народнического движения, кри-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 22.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1951, стр. 335.

зис, обусловленный всем ходом экономического развития России, а затем и распад народничества заставил Плеханова искать иного теоретического решения вопросов, стоявших перед русскими революционерами. Плеханов должен был отказаться от народничества, потому что народничество изжило себя и оказалось несостоятельным при проверке практикой исторической действительности. Плеханов стал серьезно изучать марксизм — революционную идеологию пролетариата, а затем перешел на позиции марксизма, потому что только в марксизме он смог найти ответы на самые насущные животрепещущие вопросы, выдвинутые ходом экономического развития России и потребностями ее революционного движения.